

А. Абелев

Нет вождя кроме вождя

**(из «Хроники жизни "Бауманки" 1930–37 гг.
в выписках из первоисточников»)**

Москва
2026

*«Звание вождей рабочего класса присваивали себе его предатели,
люди, целью жизни которых было повернуть историю вспять.
Одни из этих претензий провалились смешно, другие гнусно»
А.Д. Сперанский, 1937*

1937-й – это юбилейный год 20-летия Октябрьского переворота («Великой октябрьской социалистической революции»); год начала повального истребления «ленинской гвардии» и крупнейших большевиков («большого террора»); а также год, когда неформальное звание «вождя» партии, рабочего класса и народа, принадлежавшее до того времени весьма многим старым большевикам, осталось только, кроме почившего Ленина, за Сталиным. Как представляется составителю предлагаемых выписок, все три этих явления совпали далеко не случайно.

Наша тема здесь – весьма узкая: как из всех «вождей» остался один Сталин.

<Далее выделение ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ в текстах – наше>

К 1934 г. включительно (4) (Фрагмент; и другое)

Студенческие общежития МММИ. – «Мы входим в длинный коридор [общежития в Лефортове], по обеим сторонам которого бесконечная цепь дверей. В коридоре чисто, просторно, его не загромождают, как это часто бывает, сундуки, ящики и корзины. Шеренга урн – единственная "обстановка" коридора. Лестничные клетки, сделанные сплошь из стекла, заливают корпус целым водопадом света. На площадках – УКРАШЕННЫЕ КРАСНОЙ МАТЕРИЕЙ БЮСТЫ ВОЖДЕЙ и необычные для студенческих общежитий зеркала. ...»

«Идем в комнаты. В каждой из них живут три студента. В каждой комнате – три хороших железных кровати, два-три небольших рабочих стола, шкаф, вделанный в стену, книжная полка в специальной нише. Над входной дверью черный раструб небольшого репродуктора, над каждым столом электрическая лампочка. Все это обязательно для каждой комнаты. Все остальное – плоды фантазии и умения устроиться поуютней. Цветные коврики, ПОРТРЕТЫ ВОЖДЕЙ, а то и букет цветов, создают уют студенческих комнат.»

«Вожди» – только ли Ленин и Сталин?

На фото из Юбилейного сборника «100 лет МММИ им. Баумана» 1933 года – «Кабинет социально-экономических наук» (помещение бывшей училищной церкви св. Магдалины) – попали в кадр бюст Ленина, популярная фотография авторства П. Оцуца с Лениным, читающим газету, и, над бюстом – если не ошибаемся (печать весьма мутная) – портрет Сталина (либо Орджоникидзе). На часто публикуемом фото того времени «Читальный зал МММИ им. Баумана» в кадр попал, опять же если не ошибаемся, портрет М.И. Калинина (различимы круглые очки и борода).

На имеющихся фотографиях кабинета директора МММИ А.А. Цибарта «парадная» стена с «портретами вождей», находившаяся видимо напротив его рабочего стола, нигде в кадр не попадает. Безусловно там имелись портреты Ленина, Сталина, Калинина и наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе.

Скорее всего, уже в 1933-м году рядом с ними появился и портрет назначенного тогда начальником Главного управления учебными заведениями наркомтяжпрома Д.А. Петровского. В этом ничего несоразмерного чину Петровского не было – это был, до разделения ВСНХ, член его президиума, крупный партийный деятель и деятель Коминтерна, знавший Ленина (и Троцкого); по свидетельству А. Сперанского, «работник» такого ранга – вполне себе «вождь»: «этим именем наделяли чуть ли не каждого ответственного из советского аппарата» (см. «7 ноября 1937 г.»). В 1937-м году, после ареста Петровского, когда требовалось «вскрыть» следы его «вредительской

деятельности» в подведомственных ему учебных заведениях (из которых важнейшим был МММИ им. Баумана), – Цибарт был обвинен в «подхалимстве» этому «врагу народа». –

Из пункта Хроники «4 декабря 1937 г.» – второй день общего партсобрании МММИ, подтверждавшего исключение парткомом Цибарта из ВКП(б). Говорит член парткома С.И. Шевяков:

«Я не представляю себе, чтобы так легко можно было бы повесить портрет у себя в кабинете начальника главка. Это могло сделать очень ограниченное число людей, директоров ВТУЗ"ов, чтобы повесить портрет <начальника> главка у себя в кабинете. Пожалуй таких и не найти.

Цибарт [реплика]: были еще.»

Апрель 1935 г. – март 1936 г. (Фрагмент)

Из протоколов заседаний парткома МММИ. «Дело тов. Третьякова». –

«Третьяков Ф.Е. до ВУЗа – рабочий, член ВКП(б) с 1927 г. Студент ф-та СП [сварочного производства], ранее привлекался к партответственности за хвостистские настроения (имеет выговор). Третьяков в беседах с чл. ВКП(б) т. Максимовым пытался обрабатывать т. Максимова в троцкистском направлении. Третьяков утверждал, что "советы – отжившая система", что "по блату можно получить все".

ТРЕТЬЯКОВ ПРИБЕГАЛ ТАКЖЕ И К КЛЕВЕТЕ НА ВОЖДЕЙ: ОН ГОВОРИЛ: "ТЫ И НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ КАК ЖИВУТ ВОЖДИ, ЧЕГО У НИХ ТОЛЬКО НЕТ".

В парторганизации ф-та Третьяков пассивен, больше общается с беспартийными. Третьяков все время имел связь с троцкистом, которого он считает родственником ("троюродный брат").

Постановили: Третьякова Ф.Е. за антипартийные, троцкистские утверждения, **КЛЕВЕТУ НА ВОЖДЕЙ ПАРТИИ**, имевшего связь с троцкистом и питавшегося из троцкистского арсенала, ранее привлекавшегося к ответственности за хвостистские настроения и высказывавшегося по вопросам соц. соревнования, из чл. ВКП(б) исключить.

Указать т. Максиму на то, что он тянул с разоблачением двурушника Третьякова, не ставил этого вопроса перед парторганизацией в течение 2 месяцев.»

«Вожди партии», у которых «чего только нет» – вряд ли здесь «двурушник Третьяков» замахивался на Сталина.

После 17 ноября 1935 г. (1) (Фрагмент)

В декабрьском 1935 г. номере «Высшей технической школы» (ВТШ 1935 № 12) помещается **заявление созданного ВКВТО совещания профессоров московских вузов и представителей ГУУЗов (гл. управлений учебными заведениями) наркоматов Сталину и Молотову:**

«СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР тов. МОЛОТОВУ»

«... Комитет, руководители и профессора высших учебных заведений обязуются приложить максимальные усилия для ликвидации разрыва между теорией и практикой, который с такой глубиной был подчеркнут в ваших выступлениях, а также в речах тт. КАГАНОВИЧА, ВОРОШИЛОВА, ОРДЖОНИКИДЗЕ, ЖДАНОВА И ДРУГИХ ВОЖДЕЙ ПАРТИИ. ...»

«Вожди» – это, например, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Жданов (и другие)...

26 декабря 1935 г. (2), 1 января 1936 г.

«ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Песня эта была записана в ноябре 1935 года в отдаленном дагестанском ауле Кая. Ее пели горянки.

Гора над долиной / Стоит высоко; / А небо стоит / Над горой высоко.
Но, Сталин, ты выше / Высоких небес, / И выше тебя / Только мысли твои.
Созвездий и месяца / Солнце светлей, / Но, Сталин, твой разум / И солнца светлей.
Лучистое солнце / Сияет лишь днем, / А разум твой светлый – / И ночью и днем.
Всех крепче металлов / Упругая сталь, / Но, Сталин, ты крепче, / Чем всякая сталь.
И вот потому, что / Ты выше небес, / Тебя почитают / В высоких горах.
И мыслям другим, / Кроме мыслей твоих, / Не внемлют народы / В высоких горах.
Когда твои речи / Доходят до нас, / Орлиным становится / Взор у людей.
И если кто слово / Услышал твое, / Навеки запомнит / Он слово твое.
Однажды постигший, / Чему ты учил, / Ни разу не будет / В боях побежден.
И души отдать / За ученье твое / Готовы народы / В высоких горах.
Идут за тобою / Миллионы людей, / Идут потому, что / Твой правилен путь.
И тот, кто однажды / Пошел за тобой, / Скорее умрет, / Чем покинет твой путь.

**Перевел и обработал
ЭФФЕНДИ КАПИЕВ.»**

(Правда, 26 декабря 1935)

«Песня от всей души

... / Кто принес это счастье к нам, / К Заилийским белым горам? / Я — столетний Джимбул-жирши — / Восклицаю от всей души: / Для казака в любой колхоз / Это счастье Сталин принес. / Это имя, как солнца свет, / Сталин — словно горный рассвет, / Сталин — словно степной орел, / Счастье солнечное привел. / Он — великий и сильный друг, / Это счастье из сталинских рук / Взяли мы. И хотя я стар, / Но люблю колхоз Ер-Назар, / И Чиен люблю, и Аяк, / Где впервые понял казак, / Что над ним, словно в новый год, / Утро солнечное встает. / ...

**Народный певец (жирши) Казакстана
ДЖИМБУЛ.
Перевод А. АЛДАНА.»**

«ПАРТИЙНЫЙ АКТИВ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА ЕДИНОДУШНО ОДОБРЯЕТ И ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕТ РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА ЦК

30 и 31 декабря в Большом зале Консерватории состоялось собрание актива Московской городской партийной организации. / В повестке дня: «Итоги декабрьского Пленума Центрального Комитета ВКП(б)» [см. пункт Хроники "21 – 25 декабря 1935 г."]. / Под бурные аплодисменты, собрание актива избрало в почетный президиум тт. Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Андреева, Микояна, Чубаря, Косиора, Жданова, Постышева, Эйхе, Петровского, Рудзутака, Ежова, Хрущева, Димитрова и Тельмана. / УПОМИНАНИЕ ИМЕНИ ВОЖДЯ ПАРТИИ ТОВАРИЩА СТАЛИНА СОБРАНИЕ ВСТРЕТИЛО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ ОВАЦИЕЙ, ПРИВЕТСТВЕННЫМИ ВОЗГЛАСАМИ В ЧЕСТЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

Затем слово предоставляется для доклада секретарю МК и МГК ВКП(б) товарищу Н.С. Хрущеву, встреченному бурными аплодисментами собрания. / Заключительные слова тов. Хрущева покрываются бурной овацией и приветственными возгласами: "Да здравствует товарищ Сталин!", "Да здравствует Ленинско-Сталинский ЦК!", "Да здравствует Московский Комитет!". / После доклада товарища Хрущева развернулись оживленные прения.

В конце заседания с большой яркой речью выступил встреченный бурной овацией тов. Л.М. Каганович. Слова тов. Кагановича, призывающие Московскую организацию быть как всегда в первых рядах в борьбе за осуществление решений Центрального Комитета и еще больше сплотиться вокруг ЦК и товарища Сталина, покрываются бурной овацией. Все встают. Раздаются возгласы: "Да здравствует организатор наших побед товарищ Сталин!", "Да здравствует соратник товарища Сталина — тов. Каганович!", "Да здравствует наш ЦК!", "Ура!", все поют "Интернационал".

Собрание единогласно принимает резолюцию, которая целиком и полностью одобряет решения Пленума Центрального Комитета партии.

ПОД БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ ПРИНИМАЕТСЯ ПРИВЕТСТВИЕ ВДОХНОВИТЕЛЮ И ОРГАНИЗАТОРУ ПОБЕД СОЦИАЛИЗМА ВОЖДЮ ПАРТИИ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. / ...»

(Правда, 1 января 1936)

17 августа 1936 г.

«ПРЕДАТЕЛИ

На добытое кровью и трудом / Предатели народа посягнули. / Дрожа, они пойдут перед судом / И встанет гнев над ними в карауле. // Путем убийств изменников вела / Шакалья злоба, ненависть гиеня. / Отравлены их черные дела / Тяжелым смрадом трупного гниения. // Тому, кто нашим радостям не рад, / Судьба страны и класса дорога ли? / Себя изменой запятнав стократ, / Они стократно партии солгали. // Густую злобу затаив в груди, / Они на верность присягали яро, / И для людей идущих впереди / Готовили внезапные удары. / Чтобы змея не поразила вновь / Смертельным ядом тайного укуса, / Пусть кировская пламенная кровь / Испепелит гадючье сердце труса. // Пусть суд народа извлечет на свет / Всю мерзость дел предательского сброда. / Нет оправдания и пощады нет / **ПОДНЯВШИМ РУКУ НА ВОЖДЕЙ НАРОДА!**

А.Л. СУРКОВ»

(Правда, 17 августа 1936)

«Вожди народа» – это, кроме Сталина, Киров.

24 августа 1936 г. (Фрагмент)

Завершается показательный «Первый московский процесс» – процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Факультетские и прочие **партячейки МММИ выносят свои резолюции.**

Произведение «аппарата МММИ» (ЦГАМ ф. П-158, оп. 1а, д. 35, л. 16):

«РЕЗОЛЮЦИЯ

Заслушав доклад тов. Айзенмана о подлой деятельности контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды – мы работники аппарата Кр.МММ Ин-та с чувством великого возмущения отмечаем позорную контрреволюционную роль фашистских агентов, направляющих удар против **ДОРОГИХ НАМ ВОЖДЕЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА.**

Презренные гады убили дорогого и любимого С.М. Кирова, они хотели убить величайшего человека в мире, создавшего нам счастливую радостную жизнь. Гадины подкрадывались к сердцу тов. Сталина, зная что это сердце нашей страны.

Враги просчитались.

Гнусные убийцы и террористы из Троцкистско-Зиновьевской банды пойманы с поличным.

Мы требуем суровой кары бандитам и изменникам готовившим **ПОКУШЕНИЕ НА НАШИХ ВОЖДЕЙ.**

Мы требуем самой суровой и строгой кары этим вырождакам и злодеям из лагеря фашизма. Эти гады должны быть уничтожены – расстреляны.

Мы приветствуем и гордимся нашим НКВД, **КОТОРЫЙ БДИТЕЛЬНО ОХРАНЯЕТ НАШУ РОДИНУ И ВОЖДЕЙ.**

Мы даем наказ: зорько [так] охраняйте нашего любимого вождя и друга тов. Сталина, зорько охраняйте всех руководителей партии и правительства, разоблачайте врагов народа.

В ответ на действия контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды, мы еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина – Сталина, еще больше повысим революционную бдительность и непримиримость к врагам народа. Мы обязуемся быть бдительными на каждом участке нашей работы, разоблачая врагов народа.

Да здравствует наша славная большевистская партия!
Да здравствует ВОЖДЬ И ОРГАНИЗАТОР ВЕЛИКИХ ПОБЕД ТОВ. СТАЛИН!
Да здравствует зоркий часовой Наркомвнудел и его руков. тов. Ягода. –
Председатель: /Сукиясов/
Секретарь: /Минская В.И./»

25 августа 1936 г. (1)

Расстреляны Зиновьев (разделивший с Лениным, в свое время, знаменитый шалаш в Шушенском), Каменев (безусловные прежние «вожди») и еще четырнадцать человек. «Чувством безграничного гнева и презрения охвачен много-миллионный народ нашей родины. Кучка презренных гадов, аккумулировавших в себе, в действиях, мыслях, чувствах своих всю гнусность и смрадную низость предателей, изменников и наемных убийц всех времен и народов, посмела посягнуть на СЕРДЦЕ И МОЗГ СТРАНЫ ПОБЕДИВШЕГО СОЦИАЛИЗМА – НА ВОЖДЕЙ НАШЕЙ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА. Убийцы из-за угла, в союзе с фашистской охранкой, замыслили отнять у трудящегося человечества его вождя, гения пролетарской революции, великого зодчего счастья тружеников и угнетенных всего мира – товарища Сталина и его ближайших и верных соратников»; «Взбесившиеся псы фашизма понесли заслуженную кару. Они расстреляны. Груды миллионов свободней вздохнут. "Чище стал воздух, легче стало дышать после того, как раздавлена эта погань"»

(Правда 25 августа 1936);

«Рука революционного правосудия опустилась на головы врагов народа и рабочего класса из троцкистско-зиновьевского центра. 16 фашистско-троцкистских убийц, двурушников, предателей разоблачены, осуждены и уничтожены. С облегчением вздохнула, узнав об этом, вся советская страна. С большим удовлетворением миллионы рабочих, колхозников и трудящихся Советского союза встретили расстрел этих 16 подлых бандитов.

Но борьба с врагами народа, с гнусным антисоветским отребьем на этом не кончается. Пока жив и злодействует Иудушка – Троцкий, трижды изменник партии, советскому народу, рабочему классу всего мира; пока существует еще капиталистическое окружение; пока народы Западной Европы еще не расправились с фашизмом, до тех пор фашистская буржуазия будет вести бешеную борьбу против Советского союза, будет использовать наряду со своей армией шпионов и диверсантов также и озверелые остатки разгромленной троцкистско-зиновьевской шайки. И тактикой их останется – провокация, убийство, предательство, прикрытие маской двурушничества»

(Высшая школа 1936 № 2);

«Мы должны зорче смотреть вокруг себя, уметь во-время придавить ядовитых гадин к земле, выхватить их из мрака их нор и логовищ».

(За промышленные кадры 1936 № 11-12)

4 и 7 декабря 1936 г. (Фрагмент)

Событие, которого для действующих в наст. хронике лиц не было: **закрытый пленум ЦК ВКП(б)**. (Сталин: «Решение Пленума от 7.XII.36: В газеты сообщения о Пленуме не давать и стенограмму не печатать» /Декабрьский пленум ЦК ВКП(б). Документы и материалы. 2017/). Пленум – прелюдия к очередному, после показательного «Первого московского процесса» (см. пункты «24 августа 1936 г.», «25 августа 1936 г.»), и рекордному валу истребления «вождей» (травля Бухарина, Рыкова и др.).

4 декабря, с 16 часов, Свердловский зал Кремля.

Наспех (за 20 минут) утверждается окончательный текст Конституции (см. в полной Хронике пункт «13 января 1937 г.»). Главная тема – **пространный доклад наркомвнудела Н.И. Ежова о троцкистских и правых антисоветских организациях** (в дальнейшем будет преследоваться, в

числе прочих, предполагаемая «к.р. /контрреволюционная/ организация правых», в которой окажется и Цибарт).

1937 г. (1)

Первый год «Большого террора» (1937–1938): явно приуроченное Сталиным к юбилею «Великой Октябрьской социалистической революции» (очевидно, в силу его психических особенностей) массовое истребление большевистских «старых кадров». По воле хорошо осведомленного в этих «кадрах» «товарища Картотекова» (одно из прозвищ Сталина), расстреляна или отправлена в ИТЛ практически вся история ВКП(б); чем выше ранг «старого большевика» в партийной иерархии, тем вероятнее именно расстрел. Если учесть, что благодаря «ленинской гвардии» нынешняя интеллигенция, как пишущий и вещающий класс, состоит в основном из потомков этих и близких к ним «кадров», данная страница в истории сталинского террора освещена ярче всего и выглядит наиболее устрашающей. (Разумеется, этот внутрипартийный террор проходил на фоне никогда не прекращавшегося террора в отношении «классово чуждых» и прочих ненадежных «элементов» – см., напр., пункты Хроники «2 июля 1937 г.» и «5 июля 1937 г.».)

Неслучайно именно в этот год виднейшие большевики, как живые (за исключением Сталина) так и мертвые (за исключением Ленина), перестали, видимо по какому-то негласному изволению Сталина, именоваться «вождями»: отныне актуальный «вождь» у партии и народа только один. Если еще в марте 1937-го кабинет директора МММИ Цибарта (как и другие важные помещения, вкл. профессорскую столовую) был украшен портретами именно «вождей» – и между ними, если не в их числе, арестованного в этот месяц начальника ГУУЗ НКТП Петровского (см. по хронологии) – то уже вскоре это именование остается только за Сталиным.

Проводить кампанию по утверждению Сталина в качестве единственного живого «вождя» выпало тогдашнему редактору «Правды» Л. Мехлису. Еще 9 февраля 1937 г. в «Правде» передовица – «Скромность украшает большевика»: в самом ее начале Ленин и Сталин именуются «*вождями* партии», а затем, в частности: «Вспомним блестящую характеристику скромности Ленина, данную товарищем Сталиным в речи на вечере кремлевских курсантов: "...эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, – эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших "низов" человечества". Эта характеристика Ленина, которая целиком относится и к самому товарищу Сталину, должна глубоко врезаться в сознание каждого большевика, партийного и непартийного ...» Далее в номерах «Правды» следуют отчеты об оргвыводах на местах.

4 марта 1937 г., в предпоследний день разгромного Февральско-мартовского пленума ЦК (см. пункт «23 февраля – 5 марта 1937 г.»), где еще звучало «*вожди* партии» во множественном числе, МЕХЛИС ОБРУШИВАЕТСЯ НА «ПОДХАЛИМСТВО» И – НАПРЯМУЮ – НА «*ВОЖДИЗМ*». – «... Мы забыли то, о чем учили нас Ленин и Сталин, – скромность украшает большевика. Тут же возникает и вопрос о вождизме местных партийных организаций. Я оглашу (боюсь, что это вызовет недовольство против меня) одну записку т. Сталина, посланную в «Правду» в 1930 году. Вот что он писал: "Тов. Мехлис, прошу пустить в печать... (читает) [<цитируемые Мехлисом и опущенные в стенограмме слова Сталина:> прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т.д. Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать).] ... письмо прошу напечатать без этих фраз [прав.: эпитетов]. Сталин". Пора понять нашим газетам, что партия решительно осуждает подхалимство. Пора понять и нашим партийным организациям, что подхалимство и вождизм приносят вред нашей партии.» – В своей записке Сталин возражал против эпитета «вождь» в отношении себя самого (почему и оглашение записки грозило «недовольством» присутствующих), но смысл сказанного Мехлисом в адрес «местных партийных организаций» определился на практике недвусмысленно: актуальным «вождем» в партии остался с этого времени

только один Сталин. В дальнейшем Сталин против эпитета «вождь» в свой адрес отнюдь не возражает. Да этот эпитет и меркнет на фоне «Сталин-солнце» и пр.

Тема деликатная, но (по меньшей мере однажды) к ней возвращаются. Именно, в упомянутой Цибартом в своем дневнике (см. «7 ноября 1937 г. (1)») статье Сперанского в «Известиях», вышедшей в самый день юбилея (А.Д. Сперанский – с 1939 г. академик в области физиологии, друг Горького, в будущем, разумеется, сторонник Т.Д. Лысенко). Рассуждая о качествах, сделавших Сталина «учителем и вождем во всех областях жизни», Сперанский напоминает: «ОДНО ВРЕМЯ У НАС ОЧЕНЬ ЛЕГКО ОБРАЩАЛИСЬ СО СЛОВОМ – ВОЖДЬ. ЭТИМ ИМЕНЕМ НАДЕЛЯЛИ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАЖДОГО ОТВЕТРАБОТНИКА ИЗ СОВЕТСКОГО АППАРАТА». Далее он разъясняет нежелательность этого явления – выдавая ненароком свою осведомленность в том, что особой мишенью Сталина, как худшие враги и предатели, оказались именно всенародно любимые «вожди» и близкие к ним «ответработники». «ЗВАНИЕ ВОЖДЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА ПРИСВАИВАЛИ СЕБЕ ЕГО ПРЕДАТЕЛИ, ЛЮДИ, ЦЕЛЮЮ ЖИЗНИ КОТОРЫХ БЫЛО ПОВЕРНУТЬ ИСТОРИЮ ВСПЯТЬ. ОДНИ ИЗ ЭТИХ ПРЕТЕНЗИЙ ПРОВАЛИЛИСЬ СМЕШНО, ДРУГИЕ ГНУСНО». В отличие от этих вождей, они же предатели, Сталин себе звание вождя не присвоил: «Вождем нельзя себя об'явить, им нужно сделаться» (Известия 7 ноября 1937, Сперанский, «Наш Сталин»).

То, что особой мишенью Сталина в 1937–38 гг. явились именно безусловные «вожди партии», было видно уже в то время, разумеется, не только академику Сперанскому. Об откровениях друга Цибарта З. Маликовича на эту тему см. пункт «6 ноября 1937 г.»; ясно это было и Цибарту. А вот наблюдения столь далекого от них, попавшего в опалу у Сталина, любимца Ленина и самого Сталина – большевистского поэта Демьяна Бедного. – «Арестованный участник антисоветской организации правых А.И. Стецкий [до ареста – зав. отд. культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) и пр., и пр., расстрелян 1 августа 1938] показал», что якобы Бедный говорил «в кругу близких ему лиц», в т.ч., следующее. «... Разве вы не видите, что у нас делается. Ведь срезается вся старая гвардия. Истребляются старые большевики. Уничтожают всех лучших из лучших. А кому нужно, в чьих интересах надо истребить все поколение Ленина? ...»; «... У нас нет не только истории, но даже и истории партии. Историю гражданской войны тоже надо выбросить в печку – писать нельзя. Оказывается, я шел с партией, 99,9% которой шпионы и провокаторы. Сталин – ужасный человек и часто руководствуется личными счетами. Все великие вожди всегда создавали вокруг себя блестящие плеяды сподвижников. А кого создал Сталин? Всех истребил, никого нет, все уничтожены...»; «Армия целиком разрушена, доверие к командованию подорвано, воевать с такой армией невозможно. Я бы сам в этих условиях отдал половину Украины, чтобы только на нас не лезли. Уничтожен такой талантливый стратег, как Тухачевский. Может ли армия верить своим командирам, если они один за другим объявляются изменниками? Что такое Ворошилов? Его интересует только собственная карьера» и т.д. (9 сентября 1938, Пом. нач. 4-го отдела 1-го упр. НКВД, капитан гос. безопасности В. Остроумов. ЦА ФСБ РФ ф. 3, оп. 5, д. 262, лл. 57–60. – Документ с сайта az.lib.ru)

«Юбилейный» Большой террор был затратен (разве что бесплатная раб. сила в «ИТЛ» могла отчасти компенсировать эти затраты) – разрушителен для «народного хозяйства», научной и культурной сферы, и особо опасен в преддверии войны, ввиду разгрома комсостава армии, руководства инженерных вузов и т.п., для самого существования государства. Он явно не представлял собою средства хоть к какой-нибудь понятной политической цели – в этом его отличие от «классического», в частности ленинского, террора. Разгадка по видимости иррациональных действий Сталина лежит, думается, целиком в области *психопатологии*: в его маниакальном властолюбии, ревности к славе единственного вождя. Хвастливые мемуары старых большевиков, их громкие юбилеи и панегирики в их адрес терзали Сталина и требовали личной мести. Удовлетворить его могла только жестокая физическая расправа – пуля в затылок или, как минимум, медленная казнь в лагерях (как вариант для некоторых приближенных – моральная казнь, «посадка» их жен, братьев, друзей).

Существует теория (ее придерживался еще Цибарт – см. в Хронике «10 декабря 1937 г.»), объясняющая сталинский террор против «ленинской гвардии» какой-то (далеко не ясной)

необходимостью сменить правящую элиту. Однако тут достаточно было бы и массовых отставок (что и заметил, невольно, Цибарт – см. в полной Хронике), но не физических расправ. По-видимому, коварное убийство фанатически преданных ему, имеющих заслуги перед партией и советским государством людей – попросту составляло для полусумасшедшего «вождя» особое *наслаждение*, за которое не жаль было и платить и рисковать.

9 февраля 1937 г.

Начало кампании за «скромность большевика» – передовица в «Правде», редакционная (без подписи). Гл. редактор «Правды» – давно уже публиковавшей самую бесстыдную умопомрачительную лесть Сталину, вплоть до оды (не одной) Джамбула (Джимбула) Джабаева (см. выше) – Л.З. Мехлис. Был ли Мехлис инициатором кампании (что вряд ли) или действовал по поручению Сталина – нам, конечно, доподлинно (документально) неизвестно. Но то, что он действовал с ведома ЦК, т.е. Сталина – факт (см. в этом пункте ниже).

Ставшие совершенно неуместными к 1937-му году титулы «вождей», кроме как Ленина и Сталина, еще прямо не называются. Задача Мехлиса была исключительно сложной и деликатной – покончить с «вождями», не затронув при этом «вождя».

«Скромность украшает большевика»

Если буржуазное искусство вздумало бы дать образ, символ скромности, эта богиня предстала бы, надо полагать, в убогом виде: постная физиономия, потупленный взор, умерщвленные желанья... Но в галлерее [так] богов и героев буржуазных нет места скромности и ее носителям. Подлинная скромность героя предполагает прежде всего его уважение к труду, к людям, к массе, веру в моральную и творческую силу коллектива, ведущую мир к новым высотам науки, техники и культуры. А типичный буржуазный герой – это завоеватель власти, денег и славы, который золотом и обманом, насилием и кровью старается возвыситься над людьми, утвердить свое господство. Что общего может быть у буржуазного героя со скромностью!

Антиподы скромности – тщеславие, спесь, раздутое честолюбие, высокомерие, чванливость, самореклама – справляют оргии свои на всем протяжении века капитализма, переплетаясь с другими неперенными, типическими его чертами – корыстолюбием, жадностью, завистливостью, распущенностью и извращенностью. Все эти Геббельсы, Розенберги, Ремы и прочие напыщенные мещане и хвастливые педерасты, почитающие себя избранниками богов, – какая это злая и правдивая карикатура истории на капиталистический мир!

Личная скромность – одна из неперенных черт основоположников и вождей коммунизма. Это – не случайное явление. Оно вытекает из самого существа борьбы за пролетарский социализм. Буржуазному, хищническому принципу эксплуатации, угнетения и пожирания человека человеком, принципу классового, национального, расового неравенства социализм противопоставил – и в теоретических работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и в практике Союза ССР – принцип общности интересов трудящегося человечества, принцип уничтожения эксплуатации и рабства, принцип возрождения человеческого достоинства.

Эта высшая идея двигает мыслью и всеми поступками наших героев. Они не стоят над массами – они вырастают из масс и органически с ними связаны. Они сильны именно своей неразрывной связью с массой. Скромность вождей коммунизма органична. У членов нашего правительства, у членов Центрального Комитета партии нет других интересов, кроме интересов социалистической революции, интересов всего народа. Такой партии, такого правительства еще не знала история человечества.

У Ленина и Сталина, у членов ЦК нашей партии учатся, их примеру следуют люди нашей родины. Окинем взглядом чудесную нашу страну, вспомним имена лучших людей, ею взращенных подлинных героев – летчиков, мореплавателей, воинов, инженеров, ученых, строителей, машинистов, колхозных бригадиров. Разве не равняются они всеми помыслами своими на учителей большевизма! Скромность украшает большевика – таков закон нашей партии.

Мы знаем, однако, что родимые пятна капитализма не сразу уничтожаются, стираются не сразу после социалистического переворота. Отрицательные черты буржуазного общества еще долгие годы довлеют над сознанием, психикой советских людей. К числу этих пережитков бесспорно относятся и многообразные явления тщеславия, комчванства, кичливости, раздутого честолюбия и связанное с ними подхалимство – одно из подлых порождений эксплуататорского общества.

Микробы этих болезней можно обнаружить в любой из тех организаций, где Центральный Комитет вскрыл в последние годы неблагополучие в руководстве. Нескромность руководителей и подхалимство несут в себе элементы разложения, почти всегда связаны с той или иной степенью политического разложения, и в этом их значительность, в этом их опасность.

Отсутствие или слабость самокритики в организации, упоенность того или иного руководителя своими успехами (действительными, а иногда и кажущимися, мнимыми), утеря тесной связи с массами – такова питательная почва, в которой быстро множатся микробы нескромности и подхалимства. По этой части не раз отмечены были свердловская организация, ивановская, челябинская.

В Челябинске, например, не так давно проходила 2-я городская партконференция. Вместо делового обсуждения партийных вопросов люди занимались аллилуйщиной. В присутствии секретаря обкома тов. Рындина одно за другим несутся с трибуны славословия... товарищу Рындину. Конференция послала приветствие тов. Рындину, который сидит тут же, на конференции. И даже тов. Бодров – начальник Южно-Уральской дороги, где ранее орудовал троцкистско-японский шпион Князев, радостно заявляет, что дороге "повседневно и неослабно помогают... обком партии и его секретарь тов. Рындин". Можно только удивляться, как челябинские большевики терпят подобные нравы, широко распространенные в области!

Такие, с позволения сказать, порядки типичны для немалого числа организаций. В развитии своем эти нравы приводят кое где к случаям печально курьезным, как в Надтеречном районе Чечено-Ингушетии, где колхозам присваивали имена секретарей райкома – и первого и второго, а Гойтинский колхоз, как свидетельствует "Грозненский рабочий", даже носит имя своего парторга Иссаева...

Это – печальный курьез. А в иных, да же очень крупных организациях (Киев, Ростов-на-Дону), подобные нравы привели к куда более серьезным последствиям. Подхалимская шумиха в таких организациях становится господствующим тоном отношения к руководителям, самокритика приглушается, бдительность руководителей притупляется, и в мутной воде подхалимства начинают порой действовать враги партии.

Факты показывают, что подхалимство и угодничество легко становятся оружием врага, средством его маскировки, средством размагничивания бдительности иных руководителей. Силу этого оружия нельзя недооценивать; отсюда отчетливо видна и вся важность борьбы в каждой организации с нескромностью, чванством, кичливостью, рекламной шумихой и сопутствующими им подхалимством и угодничеством, органически враждебными духу большевизма.

Слышатся иногда ссылки на то, что, скажем, свердловским или челябинским руководителям сие необходимо "для поднятия авторитета". Такая позиция в корне порочна, ложна. Да, партия – за авторитетность в массах каждого ею выращенного, ею воспитанного руководителя. Неавторитетный в партийных и беспартийных массах руководитель – негодный руководитель. Но настоящий авторитет нельзя, немыслимо создать одними средствами внешнего эффекта.

Авторитет каждого руководителя в массах зависит от прочности его связей с массами, от умения по-большевистски мыслить, и действовать, от умения по-партийному воспитывать людей и добиваться успехов в политической, хозяйственной и культурной жизни края, области, района. По практическим делам и их результатам, а не по внешним, парадным эффектам, судят о каждом руководителе и партия и массы беспартийных.

Вспомним блестящую характеристику скромности Ленина, данную товарищем Сталиным в речи на вечере кремлевских курсантов:

"...эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, – эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших "низов" человечества".

Эта характеристика Ленина, которая целиком относится и к самому товарищу Сталину, должна глубоко врезаться в сознание каждого большевика, партийного и непартийного, чтобы возросла во стократ наша нетерпимость к любому проявлению кичливости, нескромности, чванства и особенно подхалимства и угодничества. Острое оружие большевистской самокритики должно помочь каждой организации, где завелись микробы нескромности и подхалимства, избавиться от этой гнили – быстро, решительно и беспощадно.»

В последующих номерах «Правды» – множество материалов, посвященных конкретной борьбе за «скромность большевика». Мехлис их частично приводит на Февральско-мартовском пленуме (см. далее).

23 февраля – 5 марта 1937 г.

Пленум ЦК ВКП(б), ставший особой вехой в истории Большого террора.

27 февраля – резолюции по докладу А.А. Жданова, сильно обострившие «большевистскую самокритику» (взаимные нападки и разоблачения) в парторганизациях, в т.ч. в МММИ. В числе прочего: «Ликвидировать практику кооптации в члены парткомитетов и восстановить, в соответствии с уставом партии, выборность руководящих органов парторганизаций»; «воспретить при выборах голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом за всеми членами партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних»; «установить при выборах парторганов закрытое (тайное) голосование кандидатов».

3 марта – доклад Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». –

«Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты, – это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, – стало быть, люди формально не чужие»; «теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет». Случайными могут оказаться и практические заслуги: необходимо «разъяснять нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов». А посему: «Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов. ... Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты ... давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и бездейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов. Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома». «Наши успехи в области социалистического строительства, действительно, огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. ... есть ... опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями ...»

5 марта – заключительное слово Сталина. –

«Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время

вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это – единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.»

Уровень, до которого должна была простираться бдительность «товарищей», Сталин задает в обычной для него лицемерной, как бы примиряющей манере. Однако из его слов явствует одно – формального предела нет, и хотя бы какого-то внятного критерия, по которому можно «разоблачить» троцкиста или оставить его в покое, не существует. –

«... Но я боюсь, что в речах некоторых товарищей скользя мысль о том, что: давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с каким-либо троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с троцкистом обедал. Давай теперь бить направо и налево.

Это не выйдет, это не годится. Среди бывших троцкистов у нас имеются замечательные люди, вы это знаете, хорошие работники которые случайно попали к троцкистам, потом порвали с ними и работают, как настоящие большевики, которым завидовать можно. Одним из таких был т. Дзержинский. (Голос с места. Кто?) Тов. Дзержинский, вы его знали. Поэтому, громя троцкистские гнезда, вы должны оглядываться, видеть кругом, дорогие товарищи, и бить с разбором, не придираясь к людям, не придираясь к отдельным товарищам, которые когда-то, повторяю, случайно по одной улице с троцкистом проходили...»

Заметим, что в созданных Сталиным условиях, когда для того, чтобы счесть кого-то виновным и повинным даже смерти («врагом народа», «вредителем», «троцкистом», «контрреволюционером» и т.д.) – формального критерия вины не требуется, – «большевистская бдительность», поддерживаемая карами за недоносительство, неизбежно теряет всякие пределы.

Кстати, теряют смысл и расхожие выражения «ложный донос», «репрессирован по ложному доносу». В типичном случае эти доносы не содержат никакого обмана, так как не содержат ничего, что имело бы какое-нибудь юридическое или моральное значение, либо сообщают о каких-то подозрениях. Не говоря уж о том, что в нормальном случае приговоры выносятся вообще не по доносам, а по результатам следствия, юридической ответственности за рядовым советским доносчиком нет; вопрос же, сколько в тех или иных добровольных доносах содержалось перевозбужденной общей обстановкой подозрительности и сколько – тайной корысти, остается целиком на совести их авторов. Таким образом, вся ответственность за террор лежит на Сталине и его слишком рьяных подручных.

Некорректен, поверхностен и знаменитый афоризм С. Довлатова – «Мы без конца проклинаям товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?»... – Неужели писатель действительно думал, что Сталин расправлялся с ни в чем не повинными людьми, будучи введенным в заблуждение какими-то «доносами»?

Итак на фоне повального неизбирательного террора обозначилась приоритетная мишень. Погром готовился на тогдашнюю советскую элиту как таковую: партийных, хозяйственных, промышленных руководителей – по принципу их заметности. Врагов и их приспешников надо было активнее искать среди тех далеко «не чужих» ВКП(б) лиц, «с партбилетами в кармане», причем в особенности тех, кто мог гордиться «успехами и достижениями». Фамилия Цибарт, что называется, вертится на языке.

В выступлении 4 марта редактор «Правды» Мехлис начинает кампанию, фактически, за то, чтобы именование «вождь» осталось, кроме покойного Ленина, за одним Сталиным (см. пункты «1937 г. (1)», «9 февраля 1937 г.», «4 марта 1937 г.»).

В книгах авторов МГТУ (см. напр., книги Анцуповой, Павлихина; Волчкевича) сообщается, что Сталин в своем докладе прямо обвинил А.А. Цибарта в связях с «врагами народа». В дневнике А.А. эти слова Сталина не упоминаются, разве что спустя три месяца от пленума проскальзывает, что Сталин «мне недоверил» (запись от 8 июня 1937 г., см. в Хронике). В отредактированной

стенограмме доклада Сталина, как и других докладчиков пленума, фамилии Цибарт нет; это можно понимать так, что в заведении слышали и не могут не помнить и о тех словах, что не вошли в окончательный текст стенограммы.

4 марта 1937 г.

(в Хронике отсутствует)

Пространная речь гл. редактора центральной партийной газеты «Правда» Льва Мехлиса на февральско-мартовском пленуме ЦК (см. об этом пленуме выше). Посвящена «засоренности» местных газет «мелкобуржуазными элементами», проникновению в них «меньшевиков», «эсеров», «троцкистов», «леваков» и пр., «вредительским» ошибкам в наборе этих газет (в результате одной из них, например, Сталин оказывался на фото в гробу), слишком подробным изложением взглядов «троцкистов» в них и т.д. и т.п., а также уже начатой «Правдой» борьбе с «подхалимством» (см. пункт «9 февраля 1937 г.»), и – **НАКОНЕЦ ОПАСНОЕ СЛОВО ПРОЗВУЧАЛО – «ВОЖДИЗМУ»**. Точнее – **«вождизму местных организаций»**. Слово было опасным, конечно, потому, что здравствующий Сталин должен был остаться именно «вождем»...

Мехлис:

«Товарищи, после доклада т. Сталина выступать довольно трудно, ибо основное и решающее он сказал так, как сказать кому-либо из нас трудно. Тов. Сталин мощным прожектором осветил пути нашей дальнейшей борьбы, он показал, как лечить партию от идиотской болезни – беспечности.

Я хочу остановиться на недостатках нашей печати. Шпионско-вредительская деятельность троцкистов задела и наши газеты. В Советском Союзе мы имеем до 7 тыс. печатных газет и огромную армию стенных и многотиражек, заводских газет. Мы имеем всякого рода областных газет 400, районных газет 3300, в совхозах и в МТС – 800 газет. В органах печати, в газетах работают десятки тысяч журналистов, но для повышения их политического и культурного уровня почти ничего не делается. Плохо обстоит дело с газетными кадрами, с их подбором. Засоренность их необычайная. Здесь много бывших меньшевиков, эсеров, здесь много побывавших в разных оппозициях. Всякого человека, более или менее способного и дельного, систематически с газетной работы забирают и переводят на работу советскую, на работу партийную. Теоретическая подготовка газетных кадров низка. Кадры годами не готовились и, если говорить на этом пленуме открыто, а это делают все члены пленума, то надо признать, что Стецкому, который годами ведал печатью, потомство за это благодарности не вынесет. (Общий смех).»

«Немало троцкистов пролезло и в аппарат редакций и, особенно подчеркиваю, в наши типографии, и теперь разоблачены. К сожалению, никто в аппарате ЦК не располагает суммарными данными о троцкистах, разоблаченных как пробравшихся в органы печати, пробравшихся в типографии. В редакциях и типографиях наших газет сейчас еще, несомненно, остались троцкистские корешки. Откуда этот вывод можно сделать? Не голословен ли он? Нет, он не голословен. Этот вывод напрашивается из ряда вредительских явлений, которые имеют место и сейчас в наших газетах, особенно в районных. Открыто выступить теперь с антисоветской статьей никто не осмелится, таких дураков вы не найдете, поэтому троцкисты прибегают к своеобразной "критике" нашей партии и советской власти, дискредитации руководства. Они пользуются такими методами, которые позволяют нашим редакторам или простачкам газетным и партийным говорить об описках или опечатках и т. д. Между тем, серьезный анализ этих опечаток, серьезный анализ этих описок показывает, что мы имеем дело с вредительскими ошибками, что мы имеем дело с вредительскими опечатками.

Я не буду голословен и возьму материал.

Вот Харьковская заводская газета «Коминтерновец». В декабре 1936 г., выпуская номер газеты, редактор допускает, что на первой полосе имеется снимок, и на этом снимке т. Сталин – в гробу, под видом, что кто-то читает газету, но все это так обтяпано и обстрипано, что т. Сталин

оказывается в гробу. А вот другая газета, как будто бы безобидный заголовок: "Всенародное обсуждение Конституции". А вот подзаголовок: "Сталинская Конституция – гроб", а дальше идет новый подзаголовок "капитализма всего мира".

Возьмем 50-летний юбилей т. Орджоникидзе. За подписью т. т. Эрколи, Пика, Мануильского идет целая фраза: "всегда вел от победы к победе", и дальше вписка: "и хуже быть не могло". Это вписали от себя вредители. Вот районная газета. (Сталин. Это откуда?) Это районная газета "Коммунар". ...»

«Хочу остановиться на вопросе о подхалимстве в нашей печати. Нельзя сказать, чтобы областные и районные комитеты партии одергивали редакции газет. Часто бывает наоборот: подхалимство поощряется, подхалимы выдвигаются. Только этим можно объяснить, что подхалимство приняло в нашей печати и партийных организациях широкие размеры. А подхалимство, как это мы знаем из доклада т. Сталина, [способствует] росту беззаботности, бахвальства, расхлябанности – той опасной болезни, о которой он говорил. Не будем ходить за примерами далеко. Возьмем факты из Горьковского края. Там издавалась газета под таким названием: "За выполнение указаний тов. Прамнэка". 10 номеров такой газеты вышло. И крайком одернул и прекратил издание этой газеты лишь после резкой критики "Правды". В Марийской области имелся поход за право подписать рапорт товарищу Прамнэку. Напечатали в своей газете "Лесной пролетарий". Возьмем газету "Челябинский Рабочий". Эта газета печатает рапорт, который кончается так: "Да здравствует руководитель челябинских большевиков т. Рындин!" Немало в газете головотяпства, подхалимств перед областными и партийными организациями. Спрашивается, почему местная партийная организация терпит эти безобразия? Надо резко ударить по подхалимству. Взять, например, газету "Уральский рабочий" и газету Свердловской области. Там тоже есть целый ряд таких фактов, очевидно, там также господствует неслыханное подхалимство. "Правда" уже писала по этому поводу. Там, например, директор завода т. Кравчука исключили из партии за то, что он осмелился на районной партийной конференции спросить, как мог т. Кабаков так долго сидеть с двурушником Головиным, как он мог это не заметить. Вопрос совершенно правильный, который может задать любой рабочий. За это человека исключили из партии. Он вынужден был больше месяца обивать пороги всех партийных организаций, все от него отворачивались, и лишь после выступления "Правды" его восстановили в партии.

Здесь выступал т. Кабаков. Тов. Кабаков говорил об ошибках на Урале, но он не вскрыл основной ошибки, он не заметил, как на Урале сильно развито местничество и подхалимство. На Урале существуют так называемые знатные уральцы. В эту щель знатных уральцев пробирались враги, пробирались троцкисты. Если бы эти люди вели линию, которую требует Центральный Комитет партии, которую требует т. Сталин, объективной линии в подборе кадров, если бы они не ориентировались на так называемых знатных уральцев, открыли бы борьбу с местничеством, подхалимством, то они наскочили бы на троцкистские кадры, которые залезли в эти щели. Этого т. Кабаков не понял и поэтому пожинает плоды того, что было в уральской организации. В уральских организациях сильно развито подхалимство. Такое же положение и в Северном крае. Туда поехал бывший секретарь т. Иванов, и по этому поводу крайком вынес постановление на двух страницах. Крайком постановил проводить единый партдень по обсуждению указаний т. Иванова, как их проводить в жизнь.

В Киеве тоже развито подхалимство. В газете "Пролетарская Правда", я вам приведу один номер, и в этом номере фамилия руководителя областной партийной организации повторяется примерно шестьдесят раз. Из этого надо было какой-то вывод сделать. А кто это делает? Никто иной, как Семченко – двурушник и Дзенис – известный левак, троцкист Седин. Мне думается, что троцкисты, которые шестьдесят раз называли фамилию руководителя областной партийной организации в газете, они несомненно дискредитировали его. (Голос с места. Кого?). Вы же знаете, кто руководил областной партийной организацией, конечно, Постышев. Но, т. Постышев выступил здесь, и выступление его носило такой характер, как будто т. Постышев не сделал еще всех выводов до конца из этого положения, ибо о подхалимстве он ни слова не упомянул. Это значит, что т. Постышев не замечал этого подхалимства. У нас в шутку мы это подхалимство называем "лизатотерапия". (Смех.). Оно способствует росту болезней. И надо редакторскому аппарату отвечать за эти безобразные явления. Это говорит о том, что МЫ ЗАБЫЛИ ТО, О ЧЕМ УЧИЛ НАС ЛЕНИН И СТАЛИН, – СКРОМНОСТЬ УКРАШАЕТ БОЛЬШЕВИКА. ТУТ ЖЕ ВОЗНИКАЕТ И

ВОПРОС О ВОЖДИЗМЕ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ. Я ОГЛАШУ (БОЮСЬ, ЧТО ЭТО ВЫЗОВЕТ НЕДОВОЛЬСТВО ПРОТИВ МЕНЯ) ОДНУ ЗАПИСКУ Т. СТАЛИНА, ПОСЛАННУЮ В "ПРАВДУ" В 1930 ГОДУ. ВОТ ЧТО ОН ПИСАЛ: "ТОВ. МЕХЛИС, ПРОШУ ПУСТИТЬ В ПЕЧАТЬ... (ЧИТАЕТ) ... ПИСЬМО ПРОШУ НАПЕЧАТАТЬ БЕЗ ЭТИХ ФРАЗ. СТАЛИН". ПОРА ПОНЯТЬ НАШИМ ГАЗЕТАМ, ЧТО ПАРТИЯ РЕШИТЕЛЬНО ОСУЖДАЕТ ПОДХАЛИМСТВО. ПОРА ПОНЯТЬ И НАШИМ ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ЧТО ПОДХАЛИМСТВО И ВОЖДИЗМ ПРИНОСЯТ ВРЕД НАШЕЙ ПАРТИИ.»

Записка Сталина, которую Мехлис зачитал, но в стенограмму не попала – следующая (она цитируется во многих современных источниках, правда, без ссылок):

«Тов. Мехлис!

Просьба пустить в печать прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т.д. Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать). Письмо нужно напечатать без таких эпитетов.

С ком. Приветом».

(Первоисточник, как подсказала нам Алиса АИ – РГАСПИ, Ф. 558, оп. 11, д. 773, док. 23; оригинал, дата – «1930», без дня/месяца.)

Действительно, даже на 7 ноября в 1930-м и 1931-м годах в «Правде» Сталина еще не величают «вождем» (хотя вниманием он, конечно, не обижен – портреты, цитаты, ссылки и т.п., вообще по стране огромное количество предприятий, заводов имени Сталина, переименовываются города...); принятая формула – «ленинский ЦК во главе с т. Сталиным». Лишь в 1932-м году в «Правде», не сразу (напр., не с 1 мая), наконец появляется и «вождь». – «СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). 15 октября на Тракторном заводе состоялось общезаводское объединенное партийное собрание, посвященное итогам сентябрьского пленума ЦК. /.../ Собрание заверяет, что большевики Тракторного м-строительства еще крепче сплотятся вокруг ленинского руководства, ВОКРУГ ВОЖДЯ ПАРТИИ И РАБОЧЕГО КЛАССА Т. СТАЛИНА» (20 октября 1932); «Победы пролетариата за истекшие пятнадцать лет превратили СССР в несокрушимую твердыню международной пролетарской революции. Этих побед пролетариат СССР добился под знаменем ленинской партии. ПОД ИСПЫТАННЫМ РУКОВОДСТВОМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ ВО ГЛАВЕ С ВОЖДЕМ Т. СТАЛИНЫМ пролетариат СССР твердым, уверенным шагом идет к новым боям за победу социализма» (П. Постышев, К новым боям за победу социализма. 7 ноября 1932).

О 1937-м, и много ранее, нечего и говорить: без «любимый», «гениальный», «великий» и пр. – просто «вождь» уже не встречается. В 1938-м г. «Правдой», под ред. Горького и Мехлиса, выпущен сборник «Творчество народов СССР» (многое в нем уже опубликовано той же «Правдой») – здесь поклонение вождю достигает апогея: «Воспеть тебя нехватит слов, Сталин!».

«Недовольство присутствующих», которого опасался Мехлис – это, ясно, недовольство тем, что самые громкие эпитеты в адрес Сталина могут хоть как-то не приветствоваться.

Касаемо вопроса, могла ли быть борьба с «вождизмом» инициативой Мехлиса или им получались соответствующие «указания» – разумеется, Сталина – Мехлис сам дает довольно прозрачный ответ. –

«О руководстве газетами. Товарищ Сталин поставил политическую задачу о воспитании кадров. ... Руководитель газетами — это не значит посылать редакторам периодические циркуляры по тому или иному вопросу. Газеты требуют повседневного, ежечасного руководства, так как это делает ЦК в отношении «Правды», когда он нас одергивает по каждому поводу, по каждой ошибке, какой бы она ни была маленькой или большой. ...»

(Тексты из речи Мехлиса на пленуме – с сайта istmat.org)

23 марта 1937 г. (фрагмент)

Последнее из встречавшихся нам именований «вождей» (партии) во множественном числе – из стенограмм партсобраний МММИ: вслед за арестом нач. ГУУЗ (гл. управления учебными заведениями) НКТП Д.А. Петровского, «вскрывается» его прямой подчиненный – директор МММИ им. Баумана Цибарт. –

Общее партийное собрание МММИ.

Градус скандальности партсобраний («критики и самокритики, невзирая на лица»), на фоне которой повальные аресты и расстрелы выглядят чуть ли не естественными, взвинчен резолюциями от 27 февраля февральско-мартовского пленума (см. пункт «23 февраля – 5 марта 1937 г.»):

«Стремление коммунистов глубоко понять громадное значение решений Пленума Центрального Комитета партии, подняло на огромную высоту активность в выступлениях, острое реагирование на все недостатки в работе нашего института. Из записавшихся в прениях 73 человек успели выступить только 34 человека»; «священная обязанность каждого большевика – всеми силами охранять наш партийный аппарат от проникновения в него врагов».

(Ударник / Орган парткома, профкома, месткома и дирекции КрМММИ им. Баумана, 29 марта 1937)

Парторг тов. И.Е. Симонов вводит публику в курс дела:

«... Дальше [на собрании партактива – см. "22 марта 1937 г. (1)"] выступает директор ин-та т. Цибарт, он заявил, что в течение 6 лет проводил непартийную линию в институте, что он проводил вредительскую линию, что он подхалимничал Петровскому, что он не любил самокритики, не воспринимал ее как следует – воспринимал ее болезненно, часто людей, которые критикуют, считал бузотерами, что он был оторван от партийного актива.

Какие еще нужны доказательства, чтобы об"яснить сегодняшнее положение нашего института?

Напрашивается законный вопрос – за что Вам, т. Цибарт, орден дали?»

(ЦГАМ ф. П-158, оп. 1а, д. 44, л. 6)

29 марта и 5 апреля цитируемый здесь отчет об этом собрании, под названием **«За широкую большевистскую самокритику»**, печатается в институтской газете «Ударник». –

«Большинство выступавших указывали на безобразнейшие явления, имевшие место в практике руководства нашего института в области академики и хозяйственных вопросов, подчеркивая огромнейшую вину в этом директора института т. Цибарта.» «На протяжении ряда лет в институте проводилась вредительская работа по линии ГУУЗа. А директор т. Цибарт занимался подхалимством, ЗАЙСКИВАЛ ПЕРЕД БЫВШИМ НАЧАЛЬНИКОМ ГУУЗА ПЕТРОВСКИМ, РЯДОМ С ПОРТРЕТАМИ ВОЖДЕЙ ПОВЕСИЛ ЕГО ПОРТРЕТ.» «Решения, которые выносились институтскими организациями, и ходатайства дирекции прятались врагом народа Петровским под сукно. Тов. Цибарт об этом знал, но никаких мер, в смысле постановки вопроса об этом, перед наркомом и ЦК ВКП(б), не принимал.»

22 июля 1937 г. (1)

В июле 1937 года «вожди» во множественном числе на парткоме МММИ еще упоминаются, но неопределенно – можно интерпретировать это так, что «вожди» – это (бессмертный) Ленин и (актуальный) Сталин, в то время как прочие здравствующие деятели – только «руководители партии и правительства». –

«ВЫВОДЫ

комиссии выделенной Парткомом на заседании " " _____ 37 г.

СОСТАВ КОМИССИИ: Кунявский, Ховах, Айзенман, Осипов и Козлов.

В процессе своей работы Комиссия выяснила следующее:

I. Об отношении Цибарта к врагу народа [бывш. нач. ГУУЗ] [Д.А.] Петровскому.

1/ Со стороны тов. Цибарта было проявлено явное подхалимство перед врагом народа Петровским, выразившееся в том, что тов. Цибарт повесил в своем кабинете РЯДОМ С ПОРТРЕТАМИ ВОЖДЕЙ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА портрет Петровского [см. пункт «22 марта 1937 г. (1)» и мн. др.].

2/ По заявлению тов. Цибарта Петровский все время относился к нему плохо. Однако материалами изложенными ниже это не подтверждается.

Для выяснения этого вопроса мы обратились в парторганизацию ГУУЗ"а /парторг тов. Орлов/. По его указанию мы провели беседу с членами ВКП(б) т.т. Кирилловым и Беляковым, работающими ныне в ГУУЗ"е и с тов. [А.Н.] Дыгерном, работающим ныне директором Полиграфического института. [О Белякове, Кириллове и Дыгерне см. в полной Хронике]

Из этих бесед выявилось следующее: ...»

6 ноября 1937 г.

Интереснейшее в своем роде событие, описанное в дневнике Цибарта за этим числом: визит к давнему, возможно еще с 1919-го года, другу – З.В. Малинковичу (нач. Главзапбумпрома Наркомлеса – см. пункт Хроники «4 мая 1937 г.» и др.). Между прочим, этот крупный советский чиновник, последняя должность которого была и.о. гл. редактора Наркомлеса, в т.ч. руководил журналом «Бумажная промышленность» – научился читать и писать в возрасте 19 лет (в партийном кружке, «примыкавшем к еврейской С.Д.Р.П.» /из автобиографии Малинковича: РГАЭ, ф. 8513, оп. 2, ед. хр. 4107, лл. 4, 4об/).

Итак, **Малинкович и его супруга Ида Ардашникова говорят Цибарту совершенно немыслимые, прямо подрастрельные вещи:** «он мне рассказывает, что такой то арестован, такой то тоже», «Сталин расправляется со всеми своими ближайшими соратниками», «арестовываются и расстреливаются ... потому что они старые кадры, участники октябрьского переворота» и т.д. Цибарт находит свои аргументы к оправданию (скорее восхвалению) Сталина. Эта запись дневника перепечатана будущим следствием НКВД отдельно, видимо для представления начальству, и усеяна подчеркиваниями следователя (ЦА ФСБ РФ, АУД № Р-24817, т. 1, лл. 103–104, «ВЫПИСКА из дневника *Цибарта А.А.* от 6 декабря»).

Нет сомнения, что Малинкович – агент НКВД (уже потому, что не был арестован после попадания в руки следователя дневника Цибарта), и провоцирует Цибарта сознательно. Однако можно предположить и то, что Цибарт был им предупрежден и потому оставил в дневнике лишь самые благоприятные для себя оценки слов Малинковича.

(Впрочем, если такое предупреждение со стороны Малинковича было, то можно бы было ждать и более эффективного, в плане самозащиты, доноса на него, тем более что отсутствие такового тоже должно было отягощать «вину» Цибарта.)

Далее – текст выписки из дневниковой записи Цибарта от 6 ноября, с подчеркиваниями следователя (абзацы, начинающиеся со слов «Маргулис» и «Наркомы» выделены также на полях).

«Выходной день. Устал. Спал до часу дня. Вчера взял ванну. Ездил со Светкой [младшей дочерью] на детский утренник. Поехал в 7 часов на машине, смотрели иллюминацию. Она очень устала. Легла спать не покушав как следует. Звонил МАЛИНКОВИЧ.

Приглашал пойти к нему. Пошел часов в 11. По дороге дал поздравительную телеграмму Оле [Ольге А. Адамович, см. пункты Хроники "22 апреля 1937 г.", "13 декабря 1937 г. (2)" и др.]. Моему преданному другу. Пусть радуется. Сидел у МАЛИНКОВИЧА. Была Ида [супруга Малинковича]. Рассказал ему все про себя откровенно. Как меня травят, как троцкистская сволочь хочет меня выжить.

Он внимательно слушал. Принял участие. Я ему рассказал почему я с ним не поддерживал телефонной связи до сих пор. Не хотел отягощать его положения тем, что я исключен. Но дальше разговор заставляет меня насторожиться. Черт его знает, что это такое. Кто он? Что он думает. Он мне рассказывает, что такой то арестован, такой то тоже.

Маргулис – идеальный большевик, [нарком просвещения] БУБНОВ, ХАТАЕВИЧ, ВЕГЕР, КУБЯК, РУМЯНЦЕВ, одним словом все секретари крайкомов и губкомов кроме 5–6.

Наркомы (тоже и [наркомлес] [В.И.] ИВАНОВ) сидят [см. в Хронике пункт "1 ноября 1937 г., 15 марта 1938 г."] и прочее. Одним словом вопрос ставится прямо – арестовываются и расстреливаются (КНОРИН, ГИКАЛО, РУДЗУТАК) потому что они старые кадры. Участники октябрьского переворота. Оснований нет. Не может быть, чтобы все были предатели (упирает на КНОРИНА И МАРГУЛИСА). Тут что-то не то. Идет расправа. Надо и нам бояться. СТАЛИН расправляется со всеми своими ближайшими соратниками (я его сразу понял – делай аналогию с Гитлером – и расправой с Реммом!) Пускает и в меня яд, тем более, что я, как исключенный, должен быть недоволен. Может быть стану единомышленником.

Я ему отвечаю: "меня исключили, но я силен, весел, энергичен". Я понял, что дело не во мне, а в политической борьбе троцкистов. Если я в чем виноват, а деловых ошибок у каждого много, пусть меня накажет партия, которой я служил 20 лет честно, преданно и активно 20 лет, но не троцкисты. Рассказал, что у нас работает комиссия. Пусть судит меня партия, но не троцкисты. А нашим парткомом, начиная с секретаря, завладели троцкисты. Правда восторжествует обязательно. Мне бросают реплику, что это не так, теперь не разберешься? [В распечатке неточность: прав. "теперь не разбираются"]

Я привожу доказ. что это не так. Теперь берут только тогда, когда есть всякие [неточность: прав. веские] доказательства. [Привожу свой] Пример с [И.М.] МОСКВИНЫМ [см. о нем пункт Хроники "14 июня 1937 г., 27 ноября 1937 г." и др.] и [В.Г.] КНОРИНЫМ [выступавшим в свое время за вхождение Белоруссии в состав РСФСР и отрицавшим существование белорусского языка] [см. о нем пункт Хроники "22 июня 1937 г., 29 июля 1938 г." и мн. др.] (он отвергает, говоря, что в 21 году везде искусств<енно> назначали докладчиков по оппозиционным вопросам). Что само НКВД очищается и борется с карьеристами ([Малинкович отвечает:] половина кабинетов пустует – у нас берут даже людей [технический персонал]). Говорю ему: "мы старые члены партии даем повод. Я бы на месте СТАЛИНА тоже иначе не поступал. Ведь 90% предателей именно вышло из нашей среды. Разве можно верить старым кадрам? Вполне законное недоверие. Ответственность у него большая, за страну и за судьбу его дочки и моей Светки. Надо [сменить их на] молодых, хоть это и будет связано с большими издержками и ошибками. А что мы, отдельные лица по сравнению с ценою, которую преследует СТАЛИН. Ведь мы за это в свое время жертвовали головами и наши головы могли пасть под случайной пулей врага или иногда друга по подозрению. Тогда ничего. А теперь, какая разница. Весь вопрос в том, верю ли я или нет тому, что СТАЛИН ведет к счастливой жизни к коммунизму – к цели. Если я этому верю, убежден, то если даже я погибну в это время от его руки в горячке теперешнего момента, разве можно обижаться. Ведь дело то в надежных руках. Я верю СТАЛИНУ, я его понимаю. Моя единственная мечта помочь ему именно сейчас. Близко около него стоять. Помочь ему всей душой в эту тяжелую минуту, когда он сам лишился друзей и вынужден искать помощи от молодежи. Разве он сам не понимает какая ему грозит опасность от нее в тяжелую минуту испытаний. (Тут реплика – секретарю крайкома легко устроить восстание).

Мне говорят "а что будет с нашими детьми?" Я ему в ответ "а что ты был Захар – простой столяр; чем была бы твоя дочка? Как и где бы она жила? А моя дочка? Забылись мы, стали барами, дворянами (привел пример с Делового клуба раньше и теперь). Хуже им жить не будет, чем было бы до того, как забрались мы на вершину матер. благополучия. Падать с башни тяжело больно. Но дети упадут с башни не вниз, а только на пару ступенек. А мы то забрались на вышку, благодаря партии с самых низов. А что будет если белые займут страну? Ведь детей наших повесят? Вижу что не совсем понравился им мой разговор. Начали чуть чуть на попятный.

Я говорю "Захар, бери пример с меня, я чист, я прав, понял, что речь идет не обо мне, а о парт., политич. делах. Не бороться за правду – сама по себе победа правды не придет. Борись, не хныкай. Я старше тебя. Но я молод как 20 лет назад. Я должен победить. Я не могу не победить. Правда за мной. Я был верен партии, буду ей верен до могилы. СТАЛИН делает правое дело.

Вот разговорчик? Что это такое? неужели мои подозрения, мой инстинкт меня не обманывает? Кому же верить. Неужели нас старых бойцов, хорошая жизнь превратила в тряпок? Я ею во всяком случае не буду. Бороться надо. "Чем крепче нервы тем ближе цель". А мне много раз тяжелее чем Захару. Меня сразу со всех сторон подсекло.

Семьи – нет [в это время тяжелый разлад с супругой], родных – нет. Знакомые отшатнулись, на службе – плохо. Из партии исключили.

Я не унываю. Я не предатель, я прав. Природа мне поможет победить, выйти чистым. <Помочь СТАЛИНУ. Ближе стать к нему. Договор в силе. + [в тексте выписки эта фраза отсутствует]>

Торопиться надо. Честность, прямота, настойчивость. <Я твой +>>

Примечания составителя:

– «Не хотел отягощать его [Малинковича] положения тем, что я исключен»: тяжесть положения самого Малинковича состояла в том (вероятно, в числе прочего), что брат его жены, Яков Ардашников, в октябре 1937 г. был арестован (8 января 1938 г. расстрелян).

– «Расправа с Реммом» – ассоциация поведения Сталина с проведенной Гитлером расправы над руководством бывших соратников – штурмовых отрядов («ночью длинных ножей») 30 июня 1934 года.

– В дальнейшем, во время пребывания Цибарта в магаданском лагере сверх срока, Малинкович, очевидно, также по заданию НКВД или введенный им в заблуждение, убедит супругу Цибарта в его освобождении и супружеской неверности – с тем, вероятно, чтобы рассорить с ним семью и этим способствовать его невыезду после освобождения из нуждавшегося в инженерах Дальстроя.

– В 1941 г. З.В. Малинкович был призван в 33-ю действующую армию, состоял в распоряжении Главного Полит. Управления Красной Армии; пропал без вести в апреле 1942 года. «Батальонный комиссар Захар Малинкович застрелился в окружении во время боёв на Северном Кавказе в 1942 году» (Альберт Каганович. Евреи Речицы и война. Из интернета).

– Упомянутая в записи «дочка» Захара Владимировича – Инесса Малинкович (1928, Москва – 1992, Иерусалим) – впоследствии филолог, учитель, близкий друг и корреспондент Ариадны Эфрон. К настоящему времени издана ее книга «Судьба старинной легенды»; между прочим, в главе о «Крысолове» Цветаевой И. Малинкович рассуждает в т.ч. о «крысобольшевиках»...

Перед 7 ноября 1937 г.

Парторганизация КрМММИ им. Баумана ведет подготовку к празднованию 20-летию Октября.

Идет «широкая работа по мобилизации всего коллектива Ин-та на право рапортовать 20-й годовщине Октябрьской революции о новых достижениях Краснознаменного Ин-та» (кто бы в них сомневался! – «вредительство», «развал работы», «безобразнейшие явления» и пр. не в счет); на всех потоках и факультетах вывешиваются специальные номера газеты «Ударник»; организуются «общейнститутские вечера, посвященные 20-й годовщине Октября», «в общежитиях вечера самодеятельности»; фотовыставка при парткабинете «отражающая борьбу партии Ленина–Сталина за Октябрь»; решают «оказать активную помощь в подготовке и проведении Октябрьских торжеств в подшефной школе» (т.е. в Радищевке, см. «Лето 1934 г. – до декабря 1934 г.» и др.), утверждают «эскиз оформления здания и колонн демонстрантов», в столовой и буфетах постановляют «усилить ассортимент продуктов обеспечив 7/XI и 8/XI всех горячими завтраками и обедами»; предполагаются «экскурсии в музеи и на места Октябрьских боев», «концерт силами квалифицированных артистов», «детский утреник с выдачей подарков», и проч.

(ЦГАМ ф. П-158, оп. 1а, д. 44, л. 132)

... Но все это – уже без участия директора Цибарта.

7 ноября 1937 г. (1) (с дополнениями)

Процесс истребления Сталиным старых и абсолютно верных ему большевиков (их в особенности) достиг своего апогея точно в год Октябрьского переворота (десять лет как «Великой Октябрьской Социалистической Революции») – в чем, может быть, не стоит искать других причин, кроме характера психической патологии «вождя», его маниакального коварства и садизма. Это сочетание празднества и смертного страха составляет неповторимую черту 1937-го года, отраженную и в личных дневниках А.А. Цибарта.

Разумеется, не пропускает А.А. празднование 20-летия Октября.

Из дневника Цибарта:

«День отдыха. В 8.30 пошел на демонстрацию. Вернулся только в 5 часов. Устал. Лег. Светка [младшая дочь, 4 года] все время около меня. Крепко меня любит. Затем позвонил Анатолий [Николаевич Зайцев] [друг Цибарта, зав. издательством МММИ] и [парторг МММИ] [А.Ф.] НАУГОЛЬНОВ. Последний сукин сын попросил ему послать машину свезти его в Лефортово. Приехал Анатолий с детьми. Сами мы остались [в] Дел[овом] клубе. Выпили по стопке и 2 бут. пива. Разговорились. Я был очень откровенен вплоть до личной жизни. Потом поехали к нему домой. Хороший он, душевный парень. Жена его инстинктом чует хороших и плохих (АЙЗЕНМАН, НАУГОЛЬНОВ) людей. Просидел у них до 1 1/2 ночи. Читал мне Анатолий беседу СТАЛИНА с <в тексте пропуск> ...»

«Читали статью СПЕРАНСКОГО в Известиях о СТАЛИНЕ [см. пункт "1937 г. (1)"]. Все правильно. Но об этом я говорил Анатолию еще летом, сейчас идет вторая гражданская война. Кто это не понимает тот или дурак, которого поделом нужно выбросить в мусорный бак истории, или мещанин, советский буржуй, перерожденец, мещанин (вроде Захара [Малинковича]) которого воспитали годы спокойной жизни. Они, эти люди – об"ективно тормоз нашему движению вперед – значит враги, т.к. страна молодая, страна будущего.

Или это сознательные враги. Кто остался зрячим, молодым (несмотря на годы) кто понимает какое великое дело для истории делает СТАЛИН, должен не хныкать и не цепляться за спокойное обеспеченное положение и чины, а помочь СТАЛИНУ всем вплоть до жизни.

Лес рубят, щепки летят, кое кого из честных людей этакая щепка может и задеть [своеобразная, смягченная интерпретация поговорки, в которой сами "честные люди" и суть "щепки"], это неизбежно. Обижаться не надо, веру в то, что делает СТАЛИН нельзя [терять] (если ты раньше идейно этому верил) <пропуск>

Из за того, что тебя видишь ли мы задела. Но я Природа не хотел бы быть этой жертвой ...»

(Цибарт будет арестован в ночь с 13 на 14 декабря – см. в полной Хронике.)

Упомянутый в дневнике автор статьи в Известиях А.Д. Сперанский – с 1939 г. академик, физиолог; друг Горького, в будущем сторонник Т.Д. Лысенко. – Статья называлась «Наш Сталин».

Приведем несколько цитат из нее о «вожде» и «вождях», а также сравнение волны репрессий не то с гражданской войной, не то со второй революцией... –

«НАШ СТАЛИН

А. Сперанский

Сейчас трудно себе представить, сколько еще столетий люди будут интересоваться личностью Сталина, сколько книг они о нем напишут. Но как бы точно, час за часом, ни была воспроизведена его жизнь, какому глубокому изучению ни подвергалась бы окружавшая его историко-социальная обстановка, навсегда останется заманчивым разгадать внутреннюю силу, обеспечившую ему руководство в таком грандиозном объеме явлений, который с трудом поддается даже формальному учету. Конечно, до него были Маркс, Энгельс и Ленин, была партия. Конечно, он, как никто, овладел теорией революционного движения, сделал ее не только условием понимания текущих процессов, но живой силой непрерывно растущей борьбы, ведущим звеном победы. Конечно, это уточнило и вырастило теорию, сделало Сталина одним из ее творцов, включило его в число великих основоположников марксизма–ленинизма. Но всего этого недостаточно для

характеристики его личности, для понимания тех качественных особенностей, которые определили исключительный размах его деятельности, поставили его УЧИТЕЛЕМ И ВОЖДЕМ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ ЖИЗНИ. ...»

«Третий момент в характеристике Сталина – способность его к одновременному умственному охвату всех сторон жизни, как внутри, так и вне страны. Нечего говорить, что качество это ОСНОВНОЕ ДЛЯ ВОЖДЯ.

ОДНО ВРЕМЯ У НАС ОЧЕНЬ ЛЕГКО ОБРАЩАЛИСЬ СО СЛОВОМ – ВОЖДЬ. ЭТИМ ИМЕНЕМ НАДЕЛЯЛИ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАЖДОГО ОТВЕТРАБОТНИКА ИЗ СОВЕТСКОГО АППАРАТА. ЗВАНИЕ ВОЖДЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА ПРИСВАИВАЛИ СЕБЕ ЕГО ПРЕДАТЕЛИ, ЛЮДИ, ЦЕЛЬЮ ЖИЗНИ КОТОРЫХ БЫЛО ПОВЕРНУТЬ ИСТОРИЮ ВСПЯТЬ. ОДНИ ИХ ЭТИХ ПРЕТЕНЗИЙ ПРОВАЛИЛИСЬ СМЕШНО, ДРУГИЕ ГНУСНО. ПРОВАЛИЛИСЬ, КАК И ПОЛАГАЛОСЬ, НА ДОВЕРИИ.

ВОЖДЕМ НЕЛЬЗЯ СЕБЯ ОБ'ЯВИТЬ, ИМ НУЖНО СДЕЛАТЬСЯ. ТРЕБУЕТСЯ ПРИЗНАНИЕ, последнее же есть результат **доверия**. Массы шли и идут за Сталиным потому, что они ему доверяют, потому, что его руководство испытано и оправдано, потому, что во всех катаклизмах великой борьбы за освобождение труда он никогда не терялся, быстро ориентировался в обстановке и находил правильное решение.»

«ВОЖДЬ НЕ ИМЕЕТ СВОЕЙ ЖИЗНИ, не преследует личных целей. Он раньше всех встанет и позже всех ляжет, он заранее определит и организует боевую задачу, он первый увидит опасность, сигнализирует и примет меры для ее ликвидации.

Таким Сталин прошел через революционное подполье и эпоху революций. Таким знали его Октябрьский переворот, гражданская война, периоды нэпа, индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, создания и укрепления мощи Красной армии. Наконец, таким же стоит он перед нами и теперь в дни испытаний, выпавших на долю нашей страны, всколыхнувшейся революционным подъемом в ответ на удар, который готовили ей враги извне и изнутри.

Если в первые дни после убийства С.М. Кирова еще можно было строить догадки об ограниченности заговора, об узко кружковой, почти личной заинтересованности в нем его участников, то теперь это кончилось. Думается, теперь для всех уже ясно, что здесь не заговор и его ликвидация, а нечто гораздо большее, что **это новый этап Октябрьской революции в ее борьбе с мировым капиталом**, что наши дни истории, быть может, поставят на одну доску с героическими годами эпохи гражданской войны. Это вскрыл, этому дал точную оценку Сталин. Он же составил план обороны и наступления, он и руководит его проведением. Охарактеризовав всю сумму актов шпионско-вредительской свистопляски, как неизбежное следствие строительства социализма в условиях капиталистического окружения, он снял тем самым с наших плеч большую моральную тяжесть. Он подчеркнул, что **страна наша здорова**, по-прежнему честно идет по пути революции.

Такая страна достойна новой своей Конституции, заслуживает доверия и это доверие оправдает. К избирательным урнам она принесет имена достойнейших представителей И ВО ГЛАВЕ ИХ ПОСТАВИТ ИМЯ СВОЕГО ВОЖДЯ, ИМЯ ОДНОВРЕМЕННО И ГРОЗНОЕ, И ОБАЯТЕЛЬНОЕ.»

Итак, к 20-й годовщине переворота уже окончательно выяснилось, что судьбу «провалиться смешно или гнусно» вождь уготовал в первую очередь «вождям» – тем, что во множественном числе... Но теперь, по крайней мере, этот титул у них отнят, так что расстреливать «как бешеных псов» (шакалов, гиен, ядовитых гадин и т.д. и т.п.) будут уже не «вождем».